

Валентина Голод: “Я просто люблю красиво жить”

В ПЕТЕРБУРГЕ все дома загадочные. Потому что никогда не догадаться - что там, за их стенами. Ни серый обычный двор-колодез, ни мутные стекла, ни перевернутая урна в вешце разноцветных бумажек - ничто и ни за что не подскажет тебе, что где-то здесь, например, скрывается мадам Голод. Звучит таинственно и, если бы не рассогласование мужского и женского рода, даже аллегорично. Мадам Голод. Да, есть такие женщины, а у них фамилии, к которым просто так и притягиваются дополнения типа “мадам” или “госпожа”. Мадам Голод помнит, что такое “передняя” и “дворничья”, и при встрече с ней невольно всплывает забытое слово “аудитория”. Ах, оставьте, разве имеет смысл интересоваться возрастом женщины, которая красит губы и ходит на каблуках и в брюках? Валентина Михайловна Голод рисовала картины, развлекалась писанием стихов, работала декоратором, переводила пьесы с французского и прозу Сименона и параллельно с этим всю жизнь собирала коллекции произведений искусства. Хотя - наоборот - собирала коллекции, а параллельно были премьеры, гонорары, успех и прочее. Коллекционеры - люди странные. Не говорят лишнего и при встрече смотрят на вас оценивающе. Получается это у них непроизвольно, по привычке.

- Коллекционирование - это магия, болезнь?

- В общем, это, конечно, болезнь.

- И вы давно этим больны?

- Детка, да я никогда не была коллекционером. Я просто люблю красиво жить.

- Но коллекционирование - это, скорее, страсть, а не любовь?

- Моя жизнь страсти коллекционирования никак не была подчинена. Я покупала только то, что нравится, и когда на это были деньги. Настоящие коллекционеры всегда покупают только то, что нравится. А для чего вообще тогда деньги тратить?

- Антикварная коллекция в доме мешает нормальной жизни?

- Нисколько. Только раз в день обязательно два часа убирать. И все.

- Но нужно соответствовать интерьеру?

- Совсем не обязательно. Но я очень люблю красиво одеваться.

- Больше чем покупать антиквариат?

- Не меньше. Раньше я терпеть не могла носить одно и то же. И всегда следила за модой. Вообще я - брючная дама. Всегда хожу в брюках.

- Страшно вам не бывает? Не боитесь нападений и прочего?

- Я ничего не боюсь, дорогая моя, кроме тараканов. Тараканов я боюсь. Если бы я все время боялась, то не смогла бы жить. Сами подумайте. А нападение на меня было. Теперь я одна не выхожу на улицу - шатает.

- Наверное, почти все коллекционеры проходили через это, я имею в виду нападение?

- Нет. Тыфу-тыфу-тыфу.

- Вы суеверны?

- Да. Я очень не люблю кошек, особенно когда они перебегают дорогу. Но в то, что в старинных вещах живут духи, я не верю.

- Говорят, вы обожаете стиль ампир?

- Это скучно, я вас умоляю. Что мы будем говорить о стилях?.. В настоящее время я как раз увлекаюсь только современностью. Так что вы попали в мой новый “музей”. Здесь современные художники, современный фарфор. Мне это очень нравится. Мне уже надоело все эти прошлые века до тошноты. Нужно же какое-то раз-

нообразие в жизни. И вообще пренебрежение к сегодняшнему меня раздражает. Я всегда считала, что это безобразие. Но сейчас особенно уверена. Наверно, с возрастом мудреешь.

- Это точно?

- Смотря в чем - кое в чем мудреешь, кое в чем глупеешь. Но к оценке искусства это отношения не имеет. Я действительно считаю, что надо, если есть возможность, собирать и современное искусство. И помогать современным художникам, потому что многие из них живут трудно.

- Вы полагаете, что коллекционером должны руководить альтруистические чувства?

- Да нет. Хотя у всех все по-разному.

- А у вас как?

- А я... Вот вы видите - кухня. Она обвешана картинами. Для чего я их повесила? Они мне нравятся. Да, есть коллекционеры, которые увлекаются только одним направлением или одним историческим периодом. Есть коллекционеры, которые живут только этим и получают удовольствие от того, что этого никто, кроме них, не видит. У меня в квартире всегда полно людей. Но я считаю, что они приходят не только из-за вещей, а из-за меня лично. Может быть, утверждать это и нахально. Но так мне нравится думать. Что сюда приходят не только из-за того, что здесь висит Белкин. А потому что людям нравится сидеть за этим столом, смотреть на меня и заодно на картину Белкина. Белкин - хороший художник. Первую картину я купила у него из озорства. Пришла к нему в мастерскую, увидела на ней всякие глупые надписи. Мне стало смешно, и я купила. Сейчас его картина будет стоить несколько тысяч. Тогда все это стоило копейки.

- Переживаете, если хочется купить вещь, а денег нет?

- Значит, нельзя купить.

- И вы спокойны?

- А что делать? Если я хочу купить вазу, а у меня для этого нет денег, я вынуждена продать ту вазу, которая мне нравится немного меньше. Это не спекуляция - это возможность жить, как нравится.

- Почему вы утверждаете, что не являетесь коллекционером, а сами уже 27 лет возглавляете Петербур-

скую секцию коллекционеров?

- Между прочим, я еще и консультант в Театральном музее. И вообще я беспрерывно даю какие-то консультации.

- А что же с обществом коллекционеров?

- Каждый месяц 12-го числа мы продолжаем собираться. Раньше это было очень интересно. Мы приносили свои картины, устраивали выставки. Я приглашала к нам на собрания кого-нибудь из Русского музея, из Эрмитажа. Они приходили со своими слайдами. Все это было очень интересно и познавательно. Тогда не считалось, что за все надо платить. Это отвратительно, что сейчас надо платить, даже если вы чихнули.

- А кроме коллекционеров и специалистов, на эти выставки кто-нибудь еще приглашался?

- Я этим очень увлекалась. И мы делали много выставок. Но таких, сильно нашумевших, которые даже на Западе до сих пор помнят, - таких выставок было три. Две выставки в Музее этнографии в конце 70-х. Там было несколько тысяч предметов практически из всех частных коллекций города. И еще одна выставка в Манеже. 1260 русских произведений. Причем весьма отборных, можете мне поверить. Потому что я довольно вездеходная баба, и если мне не нравится вещь - я ее все равно не возьму.

- Вы все экспонаты отбирали самостоятельно?

- Да. Потом мы приглашали крупных специалистов, и они подтверждали правильность определения и датирования вещи.

- Выставка в Манеже имела грандиозный успех. Что вы чувствовали - удовольствие или ревность? Ведь своими вещами вы могли бы любоваться и единолично.

- Бог с вами, какая ревность. Я обычно не хожу на те выставки, которые делаю сама, чтобы на меня там не тыкали пальцем. Но в тот раз кто-то приехал ко мне, и нужно было провести этого человека на выставку. А мне говорили, что на нее с вечера занимают очередь. Была зима, я думала, что это вранье. Громкие разговоры. И вот иду по аллее и вижу - сидят люди с термосами, закутаные. Сидят в очереди. Вы знаете, я развлеклась. Потому что никогда не думала, что это так нужно людям. Тогда я почувствовала большое удовлетворение.

- На этой же выставке был еще один случай. В экспозиции участвовали три портрета и все минималистично. Кисти Боровиковского и Соколова из моей коллекции. Помоему, с той же гостей и подхожу к своим миниатюрам и начинаю что-то говорить, и вдруг летит милиционер, хватает меня за руку и кричит: “Что вы делаете! Куда вы подходите! Вы знаете, что такое миниатюра!” Это было прелестно. И этому дежурному милиционеру тоже было, по-видимому, интересно - вот что важно. Совершенно не важно, скажем, заинтересовать, простить, вас или какого-нибудь искусствоведа. Но вот милиционер - это совсем другое дело. Поэтому современные вы-

ставки меня, честно говоря, раздражают.

- Чем?

- А тем. Вы знаете, сколько у нас стоил вход? Пятьдесят копеек.

- Тогда вообще другие цены были. На все.

- Совершенно верно. Но та выставка ставилась в Манеже на месяц, по просьбе председателя исполкома мы ее задержали на четыре месяца. Пятьдесят копеек вход - вы представляете, сколько там побывало народа? После этого выставочный зал Манежа перекрыл новым железом всю свою крышу.

- А коллекционеры что-нибудь получили?

- Боже сохрани! Чтобы я им что-нибудь дала? Вот почему теперь все и неинтересно. Потому что никто ничего не хочет делать даром. Люди перестроились на абсолютно рваческие ценности.

- Какое же удовольствие коллекционеру от выставления своих вещей за бесплатно?

- Я этим не интересовалась.

- А для вас какое в этом удовольствие?

- А для меня удовольствие в том, что я показываю вещи, которые никто никогда не увидит. Они живут по домам, и если их увидели люди - это, по-моему, доброе дело. Вы бы видели, кто ходит на такие выставки! Это ведь не те, кто ходил потом на выставку этого, извините за выражение, Глазунова. Это другие люди.

- Но тут, мне кажется, вы ошибаетесь. На Глазунова, к сожалению, очереди выстраивались не меньше.

- Это меня возмущает. Но это мода... или черт знает что.

- Вы не хотите повторить былой успех и организовать еще одну большую выставку коллекций? Пускай Манеж отремонтирует себе еще что-нибудь.

- До того ли? У меня в обществе было когда-то около 100 человек коллекционеров. Сейчас кто - умер, кто - уехал, кто - сидит тихонько, потому что денег нет и не продает ничего. Почему? Потому что никто ничего не покупает. Очень многие коллекционеры просто нуждаются, имея вещи.

- Что же случилось?

- Покупательская способность упала.

- Быть не может! Богатых людей стало больше.

- Количество богатых людей к этому не имеет отношения. Нынешними богатыми движут глупый снобизм и чванство. Они любят то, что дорого. И, кроме Фаберже, ничего не знают. Меня это просто бесит.

- Я смотрю, вас многое раздражает.

- Меня раздражает грязная лестница.

- И как давно?

- С 1975 года. Терпеть не могу эту квартиру. Я всю жизнь жила на другой стороне. Сидят в очереди. Вы знаете, я развлеклась. Потому что никогда не думала, что это так нужно людям. Тогда я почувствовала большое удовлетворение.

- На этой же выставке был еще один случай. В экспозиции участвовали три портрета и все минималистично. Кисти Боровиковского и Соколова из моей коллекции. Помоему, с той же гостей и подхожу к своим миниатюрам и начинаю что-то говорить, и вдруг летит милиционер, хватает меня за руку и кричит: “Что вы делаете! Куда вы подходите! Вы знаете, что такое миниатюра!” Это было прелестно. И этому дежурному милиционеру тоже было, по-видимому, интересно - вот что важно. Совершенно не важно, скажем, заинтересовать, простить, вас или какого-нибудь искусствоведа. Но вот милиционер - это совсем другое дело. Поэтому современные вы-

ставки меня, честно говоря, раздражают.

- Чем?

- А тем. Вы знаете, сколько у нас стоил вход? Пятьдесят копеек.

- Тогда вообще другие цены были. На все.

- Совершенно верно. Но та выставка ставилась в Манеже на месяц, по просьбе председателя исполкома мы ее задержали на четыре месяца. Пятьдесят копеек вход - вы представляете, сколько там побывало народа? После этого выставочный зал Манежа перекрыл новым железом всю свою крышу.

- А коллекционеры что-нибудь получили?

- Боже сохрани! Чтобы я им что-нибудь дала? Вот почему теперь все и неинтересно. Потому что никто ничего не хочет делать даром. Люди перестроились на абсолютно рваческие ценности.

- Какое же удовольствие коллекционеру от выставления своих вещей за бесплатно?

- Я этим не интересовалась.

- А для вас какое в этом удовольствие?

- А для меня удовольствие в том, что я показываю вещи, которые никто никогда не увидит. Они живут по домам, и если их увидели люди - это, по-моему, доброе дело. Вы бы видели, кто ходит на такие выставки! Это ведь не те, кто ходил потом на выставку этого, извините за выражение, Глазунова. Это другие люди.

- Но тут, мне кажется, вы ошибаетесь. На Глазунова, к сожалению, очереди выстраивались не меньше.

- Это меня возмущает. Но это мода... или черт знает что.

- Вы не хотите повторить былой успех и организовать еще одну большую выставку коллекций? Пускай Манеж отремонтирует себе еще что-нибудь.

- До того ли? У меня в обществе было когда-то около 100 человек коллекционеров. Сейчас кто - умер, кто - уехал, кто - сидит тихонько, потому что денег нет и не продает ничего. Почему? Потому что никто ничего не покупает. Очень многие коллекционеры просто нуждаются, имея вещи.

- Что же случилось?

- Покупательская способность упала.

- Быть не может! Богатых людей стало больше.

- Количество богатых людей к этому не имеет отношения. Нынешними богатыми движут глупый снобизм и чванство. Они любят то, что дорого. И, кроме Фаберже, ничего не знают. Меня это просто бесит.

- Я смотрю, вас многое раздражает.

- Меня раздражает грязная лестница.

- И как давно?

- С 1975 года. Терпеть не могу эту квартиру. Я всю жизнь жила на другой стороне. Сидят в очереди. Вы знаете, я развлеклась. Потому что никогда не думала, что это так нужно людям. Тогда я почувствовала большое удовлетворение.

- На этой же выставке был еще один случай. В экспозиции участвовали три портрета и все минималистично. Кисти Боровиковского и Соколова из моей коллекции. Помоему, с той же гостей и подхожу к своим миниатюрам и начинаю что-то говорить, и вдруг летит милиционер, хватает меня за руку и кричит: “Что вы делаете! Куда вы подходите! Вы знаете, что такое миниатюра!” Это было прелестно. И этому дежурному милиционеру тоже было, по-видимому, интересно - вот что важно. Совершенно не важно, скажем, заинтересовать, простить, вас или какого-нибудь искусствоведа. Но вот милиционер - это совсем другое дело. Поэтому современные вы-

“Нынешними
богатыми движет
глупый снобизм.
Они любят то,
что дорого.
И, кроме
Фаберже, ничего
не знают”

когда дети делают что-то не то. Один раз при мне маленький мальчик стал лезть по водосточной трубе, и я ему сделала, естественно, замечание. Тут откуда-то налетела его мамаша и на меня набросилась: “Какое вам дело! Что вы лезете к чужим детям?!” Я ей и говорю: “Вот когда ваш ребенок упадет и станет потом горбатым, вы вспомните, что я была права”. Они не выносят, когда им и их детям делают замечания! Вот что противно.

- Вы всегда говорите то, что думаете?

- В нашей семье врать было абсолютно запрещено. Но это очень скользкая вещь - правда. Первая обида в моей жизни была связана как раз с этим. Хотите рассказать? Дочка нашей кухарки, Нюра, играя со мной, нечаянно уронила куклу и разбила ее. Мадемуазель подошла и спросила: “Кто?” И Нюра сказала: “Барышня”, указав на меня. А я сказала, что это неправда. Поскольку за вранье попадало больше всего, пошли разбираться к папе. Отец посадил меня на кресло и спросил: “Так кто разбил куклу?” Я говорю: “Нюра”. “Если у меня в руках сейчас загорится вот эта палочка,

то ты сказала неправду”. И в руках у него действительно оказалась какая-то палочка, как я потом поняла, это был бентальский огонь. Он ее зажег, и она загорелась.

- Вы на кого обиделись - на папу или на несправедливость?

- На папу, конечно. Серьезные упреки должны быть всегда обоснованными - это я запомнила на всю жизнь. Даже сейчас, когда я вспоминаю тот случай, мне делается неприятно. Я стараюсь говорить правду. Хотя, конечно, тоже вру, как и все люди. Когда я дома, а по телефону кто-то звонит, и я говорю, что меня нет - это что? Вранье. По законам воспитания это не полагается. Но ведь каждый день приходится в чем-то соврать. Каждый божий день. Невольно.

- Ваши родители увлекались коллекционированием старинных вещей?

- Кто тогда увлекался коллекционированием? Бог с вами. Морозов, разве что, да Шукин. Все просто жили так, как им хотелось. Чтобы было красиво, чтобы было чисто. Чтобы дети знали языки.

- Вы получили хорошее образование?

- Никакого специального искусствоведческого образования у

меня нет. С образованием у меня вообще довольно слабо. Меня всегда выкидывали из всех учебных заведений. Сначала выкинули из школы по соц-происхождению. Да, золоток, тогда это было модно. Потом я поступила в педагогический институт, и меня тоже по этому же поводу оттуда вышвырнули.

- Вот что меня возмущает - раньше никто в этом не признавался. Я, правда, всегда честно писала в анкетах: папа - адвокат, мама, естественно, не работает. А все остальные писали обычно, что родились от кухарки и десяти дворников. Так вот сейчас меня больше всего возмущает, что все эти “от десяти кучеров и одной прачки” вдруг стали княгинями, графинями, принцессами. Да какого черта, в конце концов? Это вопиющее безобразие, понимаете!

- А в чем, по-вашему, заключается истинный аристократизм? Из чего он складывается?

- Аристократизм не из чего не складывается. С этим рождаются или воспитываются с детства. Я знаю одного человека, который купил себе графский титул. Вы бы видели этого графа! Смешно.

- А кто занимался вашим воспитанием? Папа?

- Ни папа, ни мама, а мадемуазель. Вот один раз папа судил, и оказалось все неправильно.

- Раньше дети вообще совсем иначе воспитывались. Я считаю, что то воспитание было правильным. Я чувствую это по результатам. Был нормальный рабочий день ребенка. Я его намеренно называю “рабочий”. У нас он складывался из подъема в 8 часов, молитвы Богу, далее мы сидели за уроки. А потом завтракали. Никаких разносолов не было. Разве раньше кто-нибудь спрашивал, что ты хочешь есть? Что подано, то и надо есть. Это сейчас какое-то немислимое барство развелось.

- Что, неужели больше, чем раньше?

- Уверяю вас. Так вот, до двенадцати мы учились, в двенадцать завтрак, и, насколько я помню, это было почти всегда одно и то же - картошка с огурцами или еще что-то, но в общем очень простое.

- В семье адвоката ели картошку с огурцами на завтрак?!

- Да. Потом нас одевали, и мы шли гулять. Полтора часа гуляли, и час можно было играть...

- Вы до сих пор живете по определенному распорядку?

- Да. Распорядок есть. Я просыпаюсь в десять часов. Завтракаю. Потом убираю.

- Но у вас же есть домработница?

- Она убирает то, что я не в состоянии убрать. Полы там и прочее... Кстати, в детстве мы еще должны были уметь аккуратно заштопать чулки на специальной подушечке с песком. Это ужасно! Надо было штопать крест-накрест, красиво. Мне эти чертовы дырки никак не удавались. Потом еще мы раз в неделю дежурили на кухне - независимо от возраста. Надо было все уметь. И это потом пригодились. Мне во всяком случае. Я имею много специальностей. Я и переводчица, я и драматург, я и художница. Иногда я зарабатывала много денег, иногда совсем ничего. Когда я зарабатывала, то тратила на то, что хотела. Все это было так, мой друг. Всему учились, рисовать, предметам. Выгнали меня потом из школы - и что? Я все и так узнала. И еще был один порядок - все ко всем относились с уважением. А сейчас неизвестно, кто вам “тыкает” и не уважает. Поэтому я всем безусловно рекомендую подобным образом воспитывать детей.

- Своих детей вы воспитывали так?

- У меня никогда не было никаких детей.

- А что же будет...

- ...когда я умру? Сейчас я про-рабатываю одну идею. Сделать музей частных коллекций. Я хочу иметь помещение и создавать музей. Он будет принадлежать городу, а я там буду жить, пока жива.

- Прямо в музее?

- А что? Знаете, сколько еще есть людей, которым тоже некому завещать свои вещи? Таким вот образом Москва забрала у меня две роскошные коллекции. Людям было некому их оставить, и они завещали Пушкинскому музею в Москве, потому что там директор добился разрешения создать музей частных коллекций.

- А почему эти люди не завещали свои коллекции, например, вашему обществу коллекционеров?

- Зачем? Я бы их не взяла.

- А музею?

- Да? Чтобы валялись в запасниках? Нет, спасибо. Кому это нужно, чтобы все перебили и разграбили!

- Но жить в музее это тоже как-то странно.

- Для меня не странно.

- А если не удастся эта идея с музеем частных коллекций, тогда что?

- Раскрадут все.

Жанна ДЕМБО